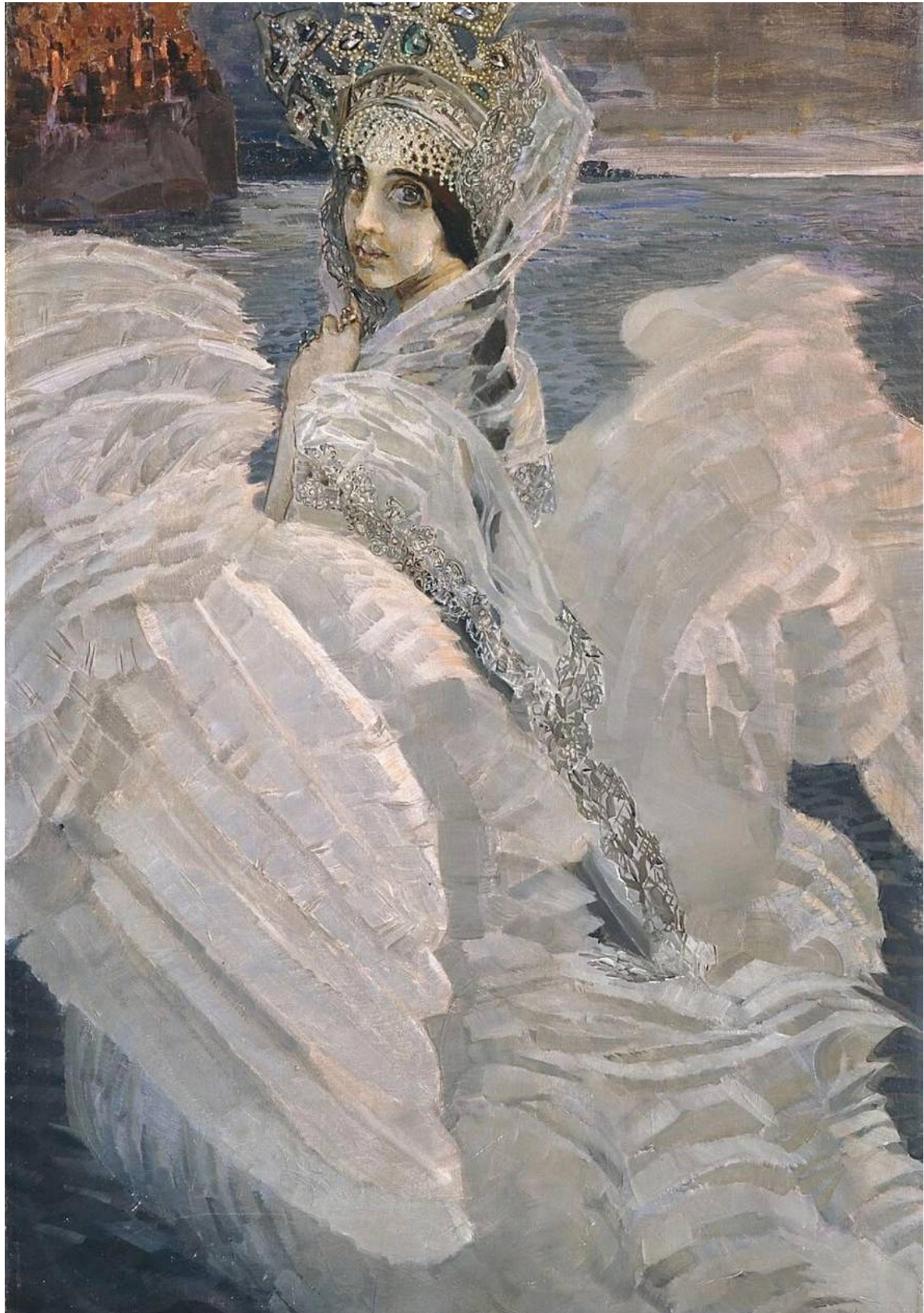

Михаил Жабский

О скитаньях вечных и о земле

«Автор»

2026

Жабский М. А.

О скитаньях вечных и о земле / М. А. Жабский — «Автор», 2026

Ясногорки уже начали подмерзать, и, признаться честно, этим ноябрём здесь как-то особенно пусто. То ли холод считает всё, то ли время – уже и не поймёшь. Пожалуй, всё одно. Я и сам, наверное, уже скоро уйду. Да, холодно здесь стало... Жаль, что нам не под силу улететь в те далёкие, тёплые края. Или, может, мы просто не в силах оттуда вернуться. Жаль, жаль...

© Жабский М. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Царевна-лебедь	7
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Михаил Жабский

О скитаньях вечных и о земле

Оглавление

Царевна-лебедь

«За бесконечностью клубящихся дорог...»

«За горами, лесами...»

«Турбины, паруса и выхлопные...»

«Оставить материнский дом...»

«Куда мы едем, машинист...»

«Часы останови, забудь про телефон...»

«Прелый ветер, жгучий запах...»

«Июнь. Железный диск луны...»

Ночной рейс

О скитаньях вечных и о земле

Песнь Земли

Дождь

Древности (г. Круглая, Ставропольский край)

«Я хочу смотреть на звёзды, но их нет...»

Дневник капитана Камински

«Я ненавижу свет...»

Комната

«Теперь так быстро льётся время...»

Маргинальная любовь

«Наступят солнечные дни...»

Парижанка

«Мне нравится улыбка твоих не...»

Мечтания

«Во всём перед тобой я виноват...»

«Окраина малого мира...»

Комната вторая

Тысяча (г. Круглая, Ставропольский край)

Чёртик-чёртик!

Песня о душе

«Меркнет молодость моя, меркнет радость...»

Комната третья (верлибр)

Повелитель мух

«Всё улицы пройдены, выучена наизусть...»

«Оно придёт, когда ты будешь спать...».

Морион

«Вбóроны падают с серого неба в этот холодный четверг января...»

Комната четвёртая

«Сегодня мне приснилось неземное...»

«Давно ты мне не снишься, старый дом...»

«Я слышу мертвецов, поющих хором...»

Метеор

«Когда огнём впервые омывало...»

Евангелие

Тропа в никуда

«И снова – под своды холщового неба...»

«Каждый раз возвращаясь в родные покровы, глаз хочет увидеть...»

«И только сны...»

«Прошёл неслышно год...».

«Луна всё та же, что и восемь лет назад...»

Пейзажист

Это всё

«Я спрячу снова свою печаль...»

Царевна-лебедь

Часть первая.

Осенью Ясногорские пруды всегда становятся бледно-золотистыми, почти ржавеют. Людей в парке становится меньше, и оттого всё чаще листки прибрежных клёнов и берёз, сгорающих под ветреным напором октября, становятся единственными мореплавателями побледневшей водной глади. Среди редких прохожих нередко можно усмотреть денди, сдавших природе свой гардероб с потрохами, так, что и он стал полон этой печальной желтизны, будто пытаясь задержать в себе уходящее солнечное тепло. Тротуары вновь и вновь обнаруживают себя в неподобающем, грязном виде, порой и вовсе прячась за разбитыми зеркалами редющих луж. В них отражается небо – хмурое, смуглое, уже давно уставшее от бремени своей вездесущности. Теперь оно зачастило плачем, и серые кудри облаков тиранически вгоняют округу в ярмо грусти, давая пространству ошетиниться. Трава встаёт на дыбы, прохладная от утренних туманов, и всё вокруг неумолимо предрекает человеку скорые холода, вьюги и очередную смену календаря.

Среди меланхоликов, заплонивших скамейки наподобие голубей, всегда сытых их стараниями, можно заметить, если приглядеться, необычайную пестроту души. Пускай одеты они в большинстве своём сезонно, каждый приходит сюда за чем-то своим. Кто-то, вроде вон той женщины в жёлтой куртке, с растрёпанными волосами, любит сидеть часами и смотреть в глубину пруда, утопая в собственных воспоминаниях. Кажется, она думает о молодости, которая, вопреки Градскому, прошла столь бесследно, что даже собственная память растерянно хмыкает от замешательства. Кто-то, как вон те ребяташки, напротив, пришёл сюда за новыми впечатлениями. И чего это они бегут, сломя голову? Господи, да уток – и тех сосчитать проще! Всё время эти детские ноги бегут куда-то... Неважно, куда – жизнь ещё слишком беспечна, чтобы задавать такие вопросы. А там, ближе к пирсу, старики. Идут себе под руку, бурчат о чём-то. Это я по-доброму, конечно. Наверное, в таком возрасте речь и впрямь становится бурчанием, понятным лишь тебе самому да тому, с кем вы долгие годы разговаривали на одном языке. Интересно... Кажется, пожилые пары всегда идут, будто опершись друг о друга. Всегда ходят под руку, и на их лицах можно увидеть что-то, что едва ли различишь в чертах людей одиноких, молчаливых.

Все эти люди, ведь они не нарушают пейзажа, нет, напротив – оживляют его. Они кружатся в своём ритме, в каком-то хаотичном танце, перебиваясь с одного края на другой, будто сносимые слабым, едва различимым ветерком судьбы лепестки. Всё шуршат, шуршат...

Ближе к вечеру это шуршание затихает, шум голосов уносится куда-то далеко в город, улетаая за кроны обнажающихся деревьев. Глядя на них, ненароком думаешь, что природа ни разу не менее, а может, и более эротична, чем человек. Но в ней нет пошлости – лишь естественность. Простота любых форм, видов, в которых она всегда прекрасна: как в пышном убранстве, так и в своей необузданной нагоде.

Ночью здесь тоже бывают люди. Реже, конечно, но всё же. Если постараться, то в бледном свете луны можно различить две фигуры, прогуливающиеся вокруг прудов, меж каштанов и хвой. Они порой останавливаются, чтобы посмотреть на воду, с которой в это время особенно веет прохладой. На рябой поверхности разливаются колыхания лунного блеска, который, точно зазывая, влечёт на эту мерцающую дорогу. Они подходят ближе, касаются рукою воды. Холодная. Немного погодя, постояв так в безмолвии, наслаждаясь присутствием друг друга, они берутся за промокшие руки и идут дальше по тропинке вглубь парка, где их фигуры растворяются в полуночной мгле.

Рано утром работники парка садятся в ветхие лодчонки, что с незапамятных времён бороздят эти скромные просторы, берутся за сетки и старательно вылавливают мусор, выгре-

бают нападавшую за день мульчу, приводят в порядок пруды, пирсы, сетуя на ранний подъём. Докучает им и болотное солнце, которое, кажись, само вот-вот сбросит эту жалкую чешую и покажет свою чёрную подноготную.

Да, осенью Ясногорки прекрасны... Зимой они замерзают, и ничто уже не в силах избавить их несчастный лёд от бесконечных нападков резвящихся конькобежцев. Но сейчас ещё изморозь только изредка берёт контуры берегов, цокает зубами после особо холодных ночей, донося нетерпеливое дыхание декабря.

.....

Но не одной лишь наружностью они захватывают. За фасадом всякого места, всякой вещи, в недрах всякой материи скрывается время. И время это неоднородно, бугристо, испещрено сотнями, а порой и тысячами историй. Чем важнее они, чем больше – тем значимей место.

Сколько человек сидело в этой беседке за всё то время, что она стоит здесь? Сколько восторженных воплей, пьяных сплетней, ссор, криков и примирений, сколько признаний в любви, объятий и прочих сердцебиений жизни застали эти бледные колонны, эти безмолвные созерцатели наших триумфов и страданий? Они подобны домам, наблюдающим за десятками сменяющих друг друга людей на своём веку, десятками судеб, проносящихся мимо них бесследно, оставляя лишь огрызки старого ремонта и отметины на обоях. Слишком уж скоротечны для них наши меры времени.

Все эти истории обречены угаснуть, раствориться в прошлом, не оставив после себя ни следа – только беглые намёки на то, что здесь когда-то происходило. След от чашки кофе на столешнице, вросший в ил обломок или те царапины на стенах – всё это суть запечатлённые мгновения скоротечности, чудом оставившие о себе почти незаметные напоминания прежде, чем утонуть в пучине минувших дней. Они хранители наших историй, к которым нужно уметь прислушиваться.

На слегка выдающемся в пруд клочке земли с беседкой восточного вида, под которой стоят несколько маленьких гранитных столиков, на самом краю площадки воздвигнуты величественные балюстрады. За ту половину столетия, что громоздятся здесь, они обветшали от сырости и частых ветров. На одной из колонн виднеется тщательно выпцарапанная то ли ножом, то ли шилом фигура: женщина в кокошнике, с большими, исписанными узорами лебедиными крыльями, обернувшись, смотрит назад, прямо в глаза, каким-то до странности грустным, прощальным взглядом. За ней виднеется озеро, и кажется, будто она и впрямь вот-вот сойдёт с колонны на переливающуюся водную гладь.

У этого пруда, крайнего, обычно не так много людей. Куда чаще здесь прогуливаются собаки, щёлкающие челюстями при виде резвящихся уток и взывающие в особенно тоскливые вечера. Уже мало кто обращает внимание на этот поистрепавшийся с годами барельеф; представить, каким он был при создании, только высеченный – дух захватывает! Мысль начинает перебирать истории, что могут таиться за этим загадочным, манящим взглядом. Среди них, быть может, отыщется та, подлинная, пускай уже и не встретишь никого из тех немногих, кто трепетно берёт её в своей памяти.

.....

В прежние годы здесь можно было встретить странного человека. Он приходил ранним утром, бесцельными шагами обходил озеро и садился на пирс, после чего доставал из кармана плаща хлеб или зерно и бросал в пустую воду, глядя, как они медленно обмокают и идут ко дну, не тронутые спящими утками. У него был вечно опечаленный вид и глаза, полные невыразимой тоски по чему-то, кому-то... Они редко бывали подняты и всё время смотрели вниз, на качающуюся под ногами пустоту. Она заставляла сердце биться медленнее, порой едва заметно трепыхаться, а дыхание делала глубоким, редким. Всё его существо словно сливалось с этим

местом, делалось его символом, духом, его непостижимой тайной. Трудно было представить улыбку на этом хмуром лице, да и само оно, кажется, было не прочь спрятаться за воротником пальто, шарфом или изредка укрыться под капюшоном.

Он приходил сюда каждое утро, этот загадочный, непонятный человек, и долгое время смотрел на пруд, увлекавший его в глубины собственной памяти. То штиль, то лёгкая рябь расстилались на серо-синей поверхности, поблёскивали, искрились, бывало, разрастались в целые волны и брызги, жгущие лицо. Оно в ответ лишь облегчённо вздыхало, сумевши спрятать ненастный поток слёз среди общего плача природы. В такие минуты, думается, ей и самой стало невыносимо смотреть на пасмурную душу, и она решила с размахом излить своё сочувствие.

Случалось, что после двух-трёх бессонных ночей он видел поблизь другого берега знакомый силуэт, знакомые перья, но лишь на мгновение. Лебединая шея поворачивалась в его сторону, и он почти чувствовал на себе её взор... Но фигура тут же рассыпалась, и в следующий миг лишь одинокие круги мелькали на воде, да пара-тройка перьев сверкала своей тающей белизной. Когда-то он даже поспешно прыгал вслед за ускользящей тенью, но потом и сам не мог понять, отчего: ни то спросонья, ни то с отчаянья – вряд ли внутри ещё теплились вера, стремление... Разлука беспощадно расправляется с ними, сговорившись со временем. А может, всё куда проще, и он просто ослабел умом, вовсе спятил? Страшно расставание, но бессрочное расставание страшно до безумия, до болезни. Оно сравнимо со смертью, мучает, разъедает изнутри, в иную минуту доводит до помешательства, а в иную окутывает ужасом ясности, невозможности, обречённости. Душа уродуется страданием, принимает на себя смертные черты, тело охватывает хворь, и только одно лекарство есть на свете от этого недуга – встреча. Пускай мимолётная, пускай самая незначительная. И тем хуже несчастному, когда встрече этой не суждено сбыться. Дабы убежать ото всей той безнадёжности, от всей той боли, душа со временем всё чаще уходит в туманы грёз, представляя себе заветное свидание...

.....

Стая покрасневших листьев срывается ветром с прибрежного клёна и начинает опьянённо кружиться. Получается у них так себе, ведь в их жизни это первый, и, как окажется вскоре, последний танец. Они несутся в воздушном потоке, точно птицы, всё время обгоняя друг друга. Со стороны кажется, будто это сноп искр вырвался из полыхающего листопада. С каждой секундой всё ниже, ниже опускаются они, и вот, наконец, ложатся на воду, угасая...

Близ них плавают пара лебедей. Один – угольно-чёрный, величественный и грациозный, как сама ночь. Подле него плывёт лебёдка: белая, точно снег, хрупкая, бойкая, но невыразимо прекрасная. Они о чём-то взволнованно переговариваются между собой, оглядываясь на зевающих прохожих. Самка подплывает к лебедю, прижимается к нему, и оба вместе плывут в сторону небольшого островка посередине озера. Там лежит их бездетное гнездо, скрытое за распущенными прядями неприхотливых ив и ветвями ольх. Пробравшись через редкие камыши, птицы подходят к дому и садятся в сплетенный хворост, отогреваясь. Слева от них, недовольные чем-то, громко гаркают утки. Самец распахивает свои большие чёрные крылья и поднимает их, отгоняя незваных гостей. Лебёдка дрожит от холода и старается укутаться в его густом тёмном оперении.

Утки отплывают прочь и устремляются к своему ночлегу, глядя на закатывающееся солнце. С каждым часом становится всё холодней...

Природа беспощадно остывает, обдавая свои чада студёным дыханием скорых морозов. Влюблённые запасаются силами, смелостью, ибо со дня на день им придётся взмыть в небо, вслед за расторопными журавлями. Куда на сей раз полетят эти двое? На берега ли Средиземные, в знойные долины Персии или в Африканскую страну? Каждый год переживают они зимнюю пору и проводят медовые месяцы, прячась в далёких чужеземьях. Изредка им встре-

чаются дивные здешние обитатели: взъерошенные пернатые с громадным мешком в клюве, которые, кажись, способны проглотить само солнце; длинные и стройные рыболовы с диким взглядом, но всегда, впрочем, спокойные; странные розовые птицы на длинных ногах, с изогнутыми клювами – быть может, их дальние родственники: тот же лебединый изгиб шеи, та же горделивая осанка и грация озёрных птиц... Но едва ли они способны говорить на том же языке. Речь их странна, будто сжёвана и груба – чужда лебединому слуху. Бывают в тех местах и совсем причудливые, а порою и страшные четвероногие, хищные, рычащие, которых толком не удаётся разглядеть прежде, чем взлететь прочь. И откуда они только берутся? Чёрный всегда отгоняет всех слишком любопытных, подходящих особенно близко к их стойбищу, шипит, зовёт утиную братию, которая тоже частенько заглядывает в те края.

Но встречались им и создания куда страшнее. Однажды, во время очередной зимовки, плавали они близ берега в поисках лакомых побегов и стеблей. Было утро, и в его хмуром, пасмурном выражении слышались редкие шорохи саранчи в высокой, сохлой траве, да сонный треск неугомонных сверчков, больше походивший на храп. Лебёдка только отыскивала молодую элодею и уже хотела подзвать суженого, как вдруг в воздухе раздалось низкое, непонятное гроыхание, смешанное с тяжёлым гулом. На горизонте показались несколько машин, которые поспешно приближались. Внутри сидели люди с автоматами и сетями. Появление их взбудоражило дремавшую округу, пробудив всех здешних обитателей. В траве, озере и в небе замелькали хвосты, лапы, потрёпанные крылья, чьи-то обгрызанные уши, клочья шерсти, послышалось рычание, шипение, топот. Паника охватила всю живность.

Лебеди оцепенели от страха. Только они собрались улететь вслед за остальными птицами, как вдруг раздались первые выстрелы. С неба начали падать бездыханные, окровавленные тельца. Потом ещё, ещё... Землю охватил ужас, смешанный с животными криками, урчанием и хрипом. Машины остановились у левого берега, двигатели затихли; однако пороховые взрывы продолжали разрезать воздух, наводя ужас на всё живое.

Очнувшись от оцепенения, лебеди поспешно поплыли к близлежащим зарослям. Поднырнув под палки и свисавшие подобия лиан, они направились вглубь, миновали камыши и наткнулись на какую-то впадину, отдалённо напоминавшую нору. Там они решили спрятаться, каждую секунду содрагаясь от выстрелов, раздававшихся в нескольких шагах от них.

Грохот продолжался ещё несколько минут, а потом стих так же внезапно, как и начался. Люди стали ходить вокруг озера, чья вода приняла розоватый оттенок, и собирать мёртвые туши. Когда почти вся добыча была погружена, вновь послышалось тяжёлое гроыхание двигателей, и прищельцы направились дальше, оставляя после себя запах гари, крови и ужаса.

До вечера птицы сидели в зарослях, боясь пошевелиться. Сердца их бились неистово, кажется, готовы были вот-вот выпрыгнуть из дрожащей груди. Но, всё же, бились они вместе, и чувство это позволяло вдыхать пропахший порохом воздух с надеждой.

Первым клюв высунул Чёрный. Он настороженно осмотрелся, чуть выплыл вперёд и вновь стал озиаться по сторонам, внимательно проверяя, нет ли вблизи людей. Всё было тихо, и он махнул головой Лебёдке – можно было выбираться. Она неспешно покинула укрытие, и, подняв свои ослабевшие крылья, они взмыли к облакам.

.....

Измождённые, летели они по серому, дождливому небу, стараясь не сбиться с пути. Под ними проносились бескрайние саванны и пустыри, мелькали деревья и бедные крыши редких деревушек, а в иной раз внизу показывались плетущиеся караваны. Напрашивался дождь, и многие километры пути были усеяны мрачными грозowymi тучами. Они всё тяжелели и тяжелели...

Начался дождь, который с каждой минутой всё усиливался. Набирал напор ветер, и лететь становилось всё труднее. Над землёй сгустился мрак, и уже почти ничего нельзя было разли-

чить с высоты. Птицы начали спускаться, по крыльям их били со всего размаху, точно плети, свистящие капли ливня. Порывы воздуха сметали их в сторону, бросали, кружили, сбивали с курса и прижимали к поверхности. Когда они приблизились к ней, стало ясно, что оказались они в каком-то лысеющем поле, усеянном сухими деревьями, под выступами которых можно было спрятаться.

Они подобралась к странному бочкообразному наросту, больше напоминавшему окаменевшего толстяка-исполина, чем дерево. Вдруг началась гроза. Сверкнула одна молния, затем вторая, третья... Секунды спустя начал раздаваться оглушительный грохот. Взрывы эти были похожи на те, что довелось им слышать прошлым днём, и оттого животный страх вновь окутал их своим холодом. Вспышки озаряли тьму неестественными цветами, а гром звучал, подобный древнему, огромному чудовищу.

Вспыхнула очередная молния. Свет был столь ярким, что озарил почти всё грозовое небо. Дерево, к которому они подлетели, внезапно вспыхнуло, а мгновение спустя стало с треском рассыпаться, превращаясь в чёрный пепел. Трава вокруг него загорелась, запылала, и красные языки пламени, подпитываясь ветром, стали расходиться по полю, бросаясь на один ствол за другим.

Лебеди в ужасе стали пятиться назад, и, собрав последние силы, попытались улететь прочь. Но усталые крылья не слушались их. Лишь слегка подымали они птичьи тела над землёй, после чего те снова падали вниз. Огонь тем временем подбирался к ним всё ближе и ближе...

Лебёдка, глядя на полосу пламенных языков, жадно поедающих всю степь, заметила чёрное, выжженное поле позади них. Всё сгорело, всё обратилось прахом! И показалось ей, что не обугленная трава лежит по ту сторону пламени, но тысячи чёрных птичьих тел, в точь таких же, как у её любимого лебедя. Лежат бездыханно... Запах гари окутал её, и ужас прокрался в чуткое лебединое сердце.

Но вдруг неожиданное чувство надежды пришло следом. Ведь там, за этой жуткой стеной огня, всё было спокойно, а языки, насытившись, уходили всё дальше и дальше. Тогда она повернулась к Чёрному и, показав в сторону огня, взяла его под крыло. Тот, сомневаясь, стал медлить, но, увидев её отчаянный, полный решимости взгляд, приготовился к последнему рывку, который мог стоить им жизни. Через полминуты огонь подошёл почти вплотную, и тогда они, разбежавшись, раскрыли крылья и взмыли вверх. Боже, каким жгучим было то хищное марево! Всего лишь миг они парили над самым его краем, но за этот миг оно успело обжечь хрупкие лебединые лапки и перья на брюшке, которые меньше намокли от дождя и сильнее прочих поддались огню. И всё же, они смогли. Едва не попав в пекло, они перелетели по ту сторону пожарища, теперь уползавшего от них, подобно шипящей змее, и упали на сырую золу, задыхаясь.

Там лежали они, озябшие, обессиленные, до следующего дня. Чёрный наловил дождевых червей, и птицы, утолив двухдневный голод, отправились дальше в путь.

.....

Через неделю возвратились они к Ясногоркам – вернее, к тому, что прежде ими было. За время их отсутствия пруды куда-то подевались, вся вода исчезла, а к оголившемуся дну подвели длинных оранжевых змей, подогнали какие-то машины и стали ломать, гудеть, дробить. Показалось илистое дно и выпирающие из островка корни, осунулась земля по краям, а людей в округе стало совсем уж мало, и некому стало подкармливать уставших птиц. Рыба вся куда-то подевалась, а вместе с нею и утки, и все прочие здешние обитатели.

Лебеди стали метаться, пытались отыскать хоть один уцелевший клочок воды, хоть одну знакомую утку, желая узнать, что случилось. Но всё было пусто. Только жуткие человеческие машины ревели тысячей непонятных голосов и ужасом пробирались в сердце каждого встречного.

Птицы решили перебраться на соседний пруд, чтобы переждать эту напасть, но и там ничего не осталось. Что здесь стряслось, пока их не было? Куда убежала вся вода, кто украл её? Неужто придётся им теперь искать новый дом, скитаясь в неведении и отчаянии?

Страшно стало птицам: негде им теперь было жить, негде было добывать пищу. Но в этот миг заметил их издали обрюзглый мужчина средних лет, обходивший осушенные пруды. То был их новый смотритель: полный, с небольшой щетиной, в старенькой шерстяной кепке, он неспешно шёл по припорошённой землёй дороге, глядя в сторону обеспокоенных птиц.

Подойдя к ним поближе, он достал из кармана горсть зёрен и протянул голодным лебедям. Но те отпрянули, не доверяя новому человеку. Тогда он осторожно положил зёрна на землю и отошёл назад, показывая, что не намерен их трогать.

Немного сомневаясь, лебеди робко наклонились к лакомству и взяли по паре крупиц. Затем всё так же недоверчиво подняли головы и, пробуя свой обед, окинули взглядами своего кормильца. Тот посмотрел на них с лаской, и нечто успокаивающее было в его голубых, озёрных глазах. В них читались кротость и доброта, и всё лицо его словно теплело от этого, а смуглые черты делались чуть моложе, нежнее.

Проглотив первую порцию, птицы стали жадно уплетать оставшееся зерно. Увидев это, незнакомец неспеша наклонился к ним и, едва дотрагиваясь, погладил по дрожащим перьям.

– Меня, эт самое, Косимыч звать, – неуверенно сказал он, покашливая, и голос его прозвучал с заметной хрипотцой.

После того, как вся горсть была съедена, лебеди устали на своего нового знакомого, внимательно осматривая его. Одет он был в потёртую рабочую куртку с заметно дырявыми карманами, из-под которой выступал уютный вязаный свитер, а на ногах виднелись выцветшие брюки не то серого, не то бежевого оттенка. Стояли эти ноги уверенно, хотя чуть прихрамывали при ходьбе.

Косимыч достал ещё немного пшена, после чего заковылял в сторону своей будочки, подзывая за собой птиц. Те, переглянувшись, медленно пошли следом.

Придя в каморку, смотритель постелил на полу тёплый плед, на который насыпал ещё зёрен, и включил своё радио, которое, пшикая, зашло на частоту песен ушедшей эпохи. Потолок стал покрываться пылинками звёзд, за окном показались влюблённые души, бродящие в цветах, и непонятно почему зазвенела январская вьюга. Едва ли лебеди понимали значения слов, гулко звучащих в этой комнатухе, но постепенно брызги раздававшейся музыки стали сливаться для них в единый, волшебный поток, и, успокаивая, понесли их куда-то далеко-далеко... Они положили головы друг на друга и, прижавшись телами, стали тихо засыпать. А музыка всё играла, играла...

Косимыч смотрел на влюблённых птиц, и на сердце у него становилось тепло и радостно. Давно уже никто не отгонял от него тяжёлое чувство одиночества, и в эти самые секунды ему показалось, что он сам стал чуточку счастливее. Рядом возникли два создания, которые, пускай и были другими, всё же имели в себе нечто глубоко человеческое. Иной голос, иные тела, жизни, но всё же... В них была душа, и тем они были прекрасны.

.....

После того дня Косимыч забрал их на свою дачу, где прожили они полтора года. Поселились птицы в маленьком озерце, которое больше смахивало на большую заболоченную лужу, поросшую камышами. По ночам там вечно раздавалось кваканье лягушек, мешавшее спать, а летом стрекотали сверчки, кузнечики и саранча. Домик он им сделал из перекроенного курятника, который, впрочем, слегка пахивал прежними жителями.

В округе было много заброшенных дач, в которых то и дело слышалось карканье, стрекотание или чей-то щебет, а между ними часто можно было заметить мелькавших кошек, которые то ли от голода, то ли от своей одичалости всегда шипели и норовили напрыгнуть. Однако

лебеди не пугались этих пускай и грозных, но маленьких хищников, а порою даже сами отпугивали своим гоготанием.

Косимыч каждый день подкармливал их и старался заботиться о своих новых соседях. Утеплял их деревянную халабуду, подкладывал солому, бывало, даже подчищал озеро. А тёплыми летними вечерами любили они вместе смотреть на огоньки, загоравшиеся повсюду: в кустах, траве, на озере и даже у дома, но особенно – на небе. Правда, небесных светлячков редко удавалось как следует разглядеть, но всякий раз они упорно представляли их и мечтали. Что скрыто за этой огромной тёмной пучиной? Какие птицы летают там, далеко за облаками? И смутное чувство тоски по этим неведомым, далёким, но до странности таким близким птицам будто бы возникало внутри.

В дождливые и особо холодные дни Косимыч забирал их к себе в дом, и там включал им радио. Лебеди садились у его ног и слушали, как при греющем свете керосиновой лампы звучат прекрасные мелодии давних дней, а по стенам прыгают причудливые тени. В иной вечер хозяин и сам брал гитару и тихо, чуть стесняясь, наигрывал на ней выученные ещё в юности романсы.

Так прошли долгие месяцы. Ясногорские всё это время меняли, дробили и отделявали согласно новым чертежам. В том январе со всеми работами было покончено, и лебеди, точно предчувствуя это, начали особенно сильно скучать по старому дому. Есть они стали меньше, двигаться тоже. Косимыч, заметив эту перемену, выждал, пока пруды наконец вновь наполнятся водой, после чего решил вернуть птиц в их прежнюю обитель.

В конце марта он повёз их обратно на Ясногорки, и радости птиц не было предела. Всё встало на круги своя. Лебеди вновь поселились на своём островке, на котором, правда, не осталось теперь ни одной коряги. Деревья измельчали, а от их гнезда не осталось и следа, так что пришлось заново отбирать для него ветки, листья, глину и мастерить себе новый уголок. Закончив с ним, они стали спокойно жить дальше, глядя, как пруды постепенно оживают и наполняются новыми постояльцами.

.....

Миновал апрель, за ним май, пролетело ястребом лето, и плавно стала клониться ко сну очередная осень.

Они сидят на своём островке, в сплетённом хворосте, и чувствуют на себе дыхание наступающего декабря. Совсем скоро они вновь отправятся в путь... Дрожа от холода, начавшего одолевать их толстый перьевой покров, они смотрят на небо, кажущееся теперь свинцовым, и в их длинные поникшие головы приходит смутное, едва различимое видение, которое сразу же исчезает. Верная лебединая память, бережно хранящая сотни мгновений, прожитых вместе, не в силах вспомнить той, неземной жизни. Но эхо её всё ещё дурманит лебединые души, вызывает в груди непонятное чувство тоски по далёкому, утраченному дому, который никогда уже не вернуть.

Часть вторая.

В лучах полуденного солнца мир лишается теней. Опалённые этим золотом степи и горы источают пар, поднимающийся маревом над ваальбарскими равнинами.

Ступни двух летящих в дневной голубизне небожителей вязнут в завитках этого зноя, почти обретшего физическое воплощение. Ангелы летят над миром и видят его таким, каков он в своей сущности.

С поры сотворения прошло совсем немного времени, и юная земля впервые в жизни начинает благоухать и расцветать своей красотой, невинностью. Нет ещё ни дорог, ни троп, ибо нет в них нужды у бестелесных созданий – единственных обитателей этих просторов. Они готовят настоящее к грядущему, служа воле своего грозного повелителя. Всюду сеют они зёрна

времени и жизни, вплетают в струны бытия небесные мотивы, придают предметам постижимую форму. На ночном небе разгораются созвездия, воздух насыщается газами и парами, а в земле кровью начинают биться потоки магмы, почвенные воды и разрастаются грудями минералы.

Нет ещё в этом мире ни мыслей, ни чувств – одни лишь воплощения величественных идей. Оттого в нём нет ещё ни греха, ни блага, а сами небожители хладны в своей бесчувственной чистоте.

Двое из них летят рядом в полуденном зное и наблюдают рождение нового мира. Имена их – Шахар и Афела. С самого своего появления неразлучны они, и всё делают вдвоём. Никто не видел их порознь, и долгие годы суждено им было выполнять божественные повеления вместе. Видели так они восход Вселенной, и, казалось, что так увидят и закат. Вместе зажигали они звёзды на небе, вместе создавали солнце и наполняли космос тьмой. Каждый пожертвовал частицей себя, дабы привнести её в грядущий облик человеческий. Каждый был в мире постольку, поскольку в нём был другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.